

Драматург Николай Коляда — о Галине Волчек в день ее юбилея

Сегодня у Галины Волчек юбилей. О ней рассказывает один из самых известных и востребованных сегодняшних драматургов, главный редактор журнала «Урал» Николай КОЛЯДА.

Зимой 1989 года была организована турпоездка членов СТД РФ в Сингапур, Филиппины и Малайзию. Все были из «современниковцев», и только одно место выделили человеку из провинции — им оказался я. Посреди аэропорта «Шереметьево» стоит наша группа, плотно окружившая чемоданы с водкой и икрой, нас шерстят таможенники. Волчек (она как раз ставила «Крутой маршрут») показывает на них артистам: «Видишь, какие пальцы? Видишь, как они там шарятся? Вот так и надо играть глэзушников!» Я поздоровался, обмирая, она посмотрела на меня — все знают, как она может смотреть на человека, просвечивая его, словно рентгеном. Все думали, что к ним приставили кагэбэшника, и им оказался я. Две недели в поездке я был угрюмый, мрачный, боялся всех — Ахеджакову, Квашу, Волчек, Вульфа. На прощание Волчек сказала сурово: «Ну, пришли свои пьесы». Что я и сделал. Мои пьесы полгода пролежали в кабинете у заплита.

Потом Волчек обедала с итальянцем, переводчиком Норманном Мацатто. «Что вы переводите?» — спросила она у него. «Рогатку» Коляды, хорошая пьеса», — ответил Норманн.

Придя в театр, Волчек потребо-
вала немедленно разыскать Коляду.
Я тогда учился в Литинституте, на
вахту нашей общаги позвонили из
театра, все забегали, закричали:
«Коляда, Коляда, срочно в «Совре-
менный», сама Волчек тебя ищет!»
Я, как угорелый, рванул на Чистые
пруды.

Волчек сидела в кабинете и курила. «Где пьесы?» — спросила сурово. «Я их давно выслал», — отвечаю, дрожа. Завлит получил нагоняй, а Волчек за ночь прочла пять моих пьес.

С этого мы и начали дружить. Несколько моих пьес были прочитаны на труппе театра, летом того же 1989 года я написал «Мурлин Мурло», и она была принята к постановке в «Современнике». Позже я поехал в Горький на какой-то семинар драматургов, где «Мурлин Мурло» раздольяли в пух и прах. В то время я больше верил людям и сразу кинулся звонить Волчек: «Галина Борисовна, мне сказали, что пьеса плохая, не ставьте ее, пожалуйста – театр подставите!» Волчек помолчала и сказала: «Коля, успокойся. И запомни: серость всегда завидует талантливым людям». Я запомнил эту фразу и часто повторяю ее своим студентам.

15 апреля 1990 года, в день рождения «Современника», состоялась премьера «Мурлин Мурло». Спектакль идет уже 14 лет — и с аншлагами. Сколько бедная Волчек вынесла из-за меня и моих пьес! Сколько раз ее укоряли: «Да что же это за любовь к Коляде?». Я безмерно благодарен ей за то, что она открыла меня Москве, а потом поставила мою пьесу в Германии.

Волчек всегда повторяет: «Не обо мне, а о «Современнике» надо говорить!» Для нее «Современник» — одна, но пламенная страсть. Волчек — это звезды, которых она смогла собрать в театре. Какие артисты, бог ты мой! Лучшие актеры страны — Гафт, Неелова, Ахеджакова, Яковлева, Петрова, Дорошина, Леонтьев, Иванова, Гармаш, Дроздова и многие, многие другие. Как ей трудно с ними — у каждого из них свой, и очень непростой, характер...

Волчек удивительно щедрый человек. Случайно увидела мой спектакль «Корабль дураков» в Екатеринбургской драме, нашла денег на поездку, и мы сыграли на сцене театра «Современник». Спектакль играется на 120 квадратных метрах

не Волчек в день ее юбилея
11/20/2003 - 1999 с 12



Лицо «Современника»

воды, во время действия резину прорвало и на механизмы сцены хлынул ливень. Наверху шли пляска и танцы, а мы, все, кто был свободен от спектакля, под сценой черпали воду ведрами и выносили на улицу. Директор «Современника» Леонид Иосифович Эрман, вспоминая те спектакли, все время ворчит на меня из-за того, что мы всё ему залили и поставили под угрозу срыва только что вышедший спек-

такля «Три товарища», на который тогда сбегалось пол-Москвы.

Прошло время, и я начал ставить в «Современнике». Сперва «Уйди-уйди» с Гафтом и Яковлевой, потом «Селестину» с Ахеджаковой. Когда мы репетировали «Селестину», мне и моему художнику Володе Кравцеву взбрело в голову, чтобы все костюмы в спектакле были связаны из ткани, крючком. Я пошел в пошивочный, набрал кусков

ткани, нарвал их и связал «кружжополовничок, как бабушки делают. (Меня мама научила такие кружжи вязать). Связал, пошел к Волчек в кабинет: «Галина Борисовна, вот такие будут костюмы». Был уверен, что она мне скажет: «А подумай еще, а?» Волчек сидела за столом, курила. Посмотрела половничок, потрогала, пожамкала в руках, помолчала, затынулась сигаретой и сказала: «На премьеру свяжешь мне такую сумку. Иди». Таким образом было дано благословение разодрать на куски три километра ткани. Потом я спросил у завлита: «А почему Гбэз так быстро согласилась?» На что она мне сказала: «Дурак! Знаешь, как Волчек ценит всё, что ручками, ручками сделано?! Она знает, что от этого идет особая энергия!»

Однажды после репетиции в «Современнике» я выпил, вышел из театра, и так мне хорошо было – ужас! Театр стоит беленный, Чистые пруды, весна, я репетирую, жизнь идет, всё замечательно! Вижу, идет навстречу Ольга Нурматова – помощник режиссера. Я ее пальцем поманил, за руку взял, подвел к стене театра и сказал: «Давай, Оля, поцелуем театр!» И мы с ней вместе (она была трезвая) поцеловали белую шершавую стену театра. По театру сразу же полетел слух, что у Коляды началась белая горячка. Кто-то перепуганно сказал Волчек: «Галина Борисовна, Коляда с ума сошел! Театр целует!» На что Волчек ответила: «Но он же на него не плюнул. Ну, и какие могут быть разговоры?»

Я живу и работаю в Екатеринбурге и каждый день проезжаю по улице Белинского мимо дома номер 37. Тут во время эвакуации в Свердловске жила семья Волчек. Сейчас их бывшего дома нет, вместо него стоит какой-то пластмассовый, современный, пошлый дом, и в нем живет наш «Горгаз». Я еду и думаю: «Тут жила Волчек».

Я ее очень люблю. Без дураков.

Записал

Алексей ФИЛИППОВ